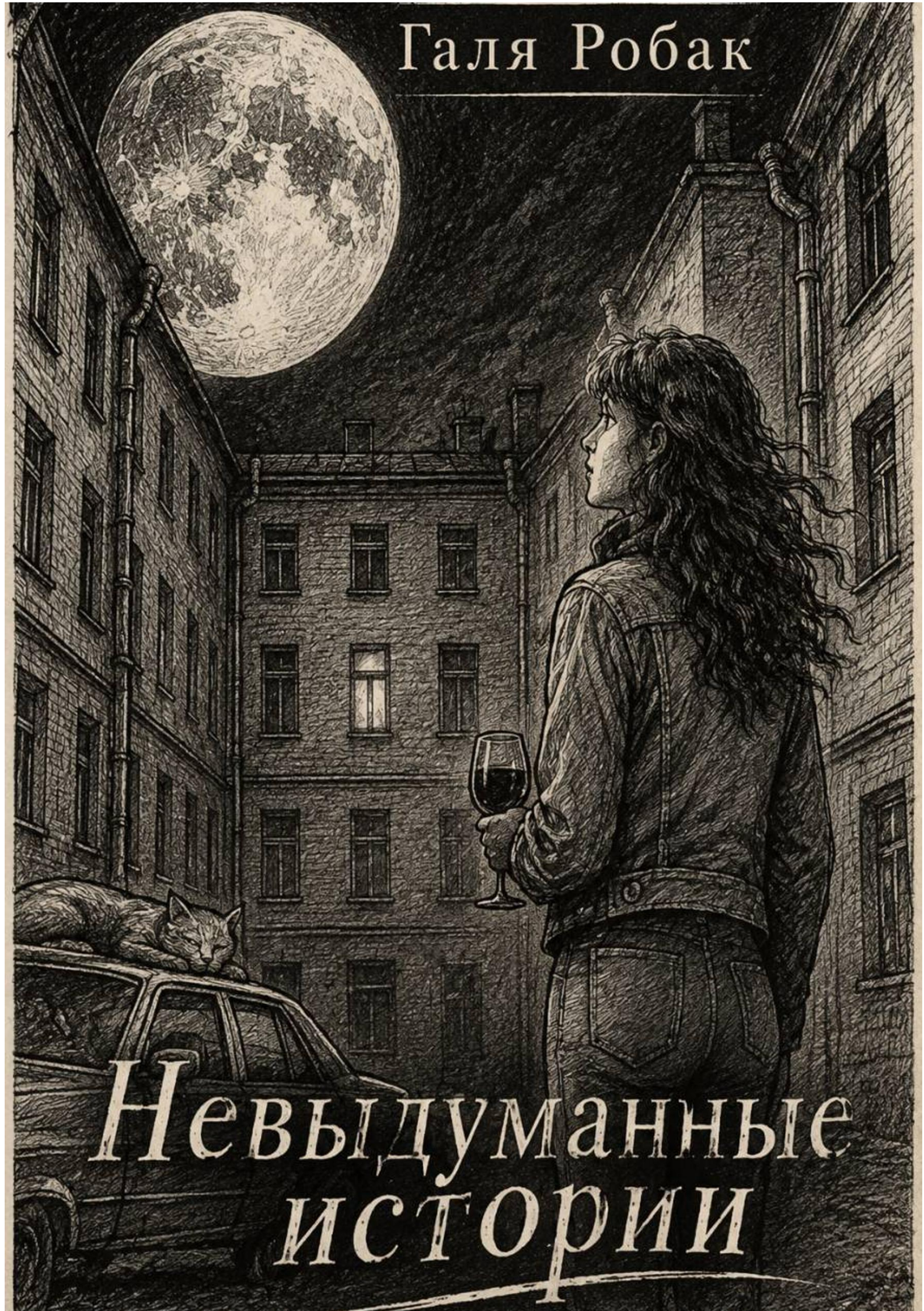

Галя Робак
Невыдуманные истории

Галя Робак

Невыдуманные истории

«Автор»
2026

Робак Г.

Невыдуманные истории / Г. Робак — «Автор», 2026

"Невыдуманные истории" это сборник рассказов автора в жанре лёгкой прозы. Здесь собраны юмористические рассказы, рассказы-притчи, новеллы, многие из которых были снами и стали короткими повестями. Также здесь присутствуют фантастические рассказы и поучительные повести.Есть и рассказы, основанные на городских легендах Петербурга и Кольского Края.

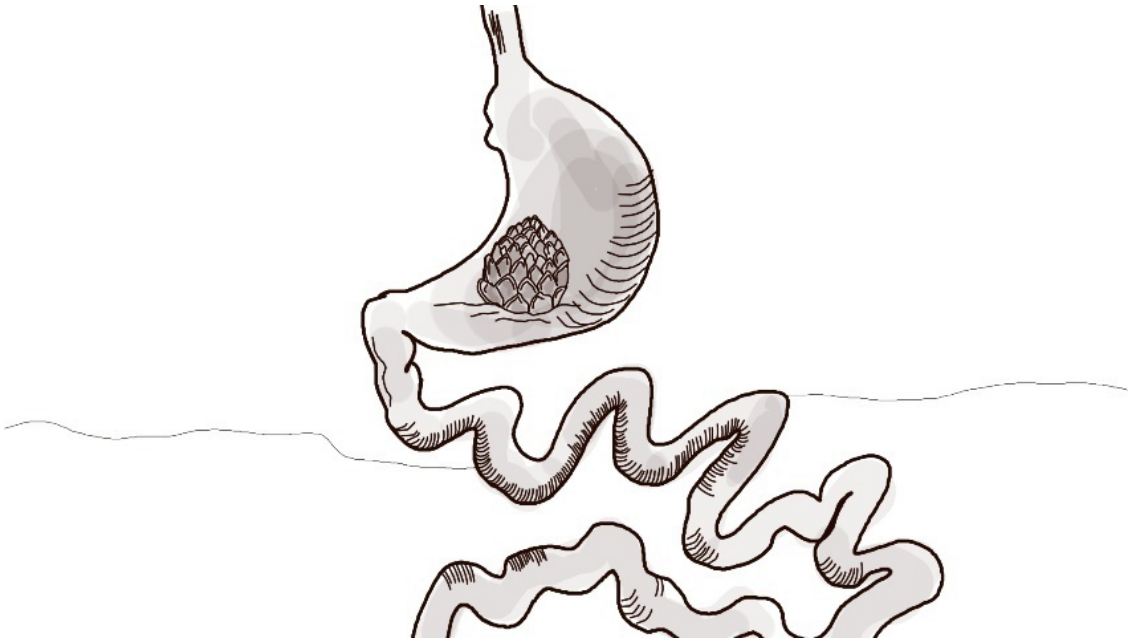
© Робак Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Расположение духа 6
Пильма 9
Голубятня 12
Призраки железной дороги 16
Случай в Таврическом Саду 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Галя Робак
Невыдуманные истории

Сборник рассказов «Неыдуманные истории»

Расположение духа

Лаврентий Павлович Березкин был человеком служивым, а значит, дисциплина для него была не пустым звуком. Вставал он рано, ложился поздно.

“Организм должен работать как часы!” – обыкновенно говорил он своим солдафонам и сержантикам. “Организм это, братцы, механизм!” – любил повторять он, и, посмеиваясь собственному удачному каламбуру, даже похрюкивал от удовольствия.

И вот однажды механизм у Лаврентия Павловича сбился. Да сбился так, что освобождающие очистительные мероприятия в организме не проводились уже как третий день. Лаврентий Палыч ходил раздражительный, нервный. Чувствие его было тона самого дурного. То ему ботинки у солдата не чищены, то воротничок не бел. Обычное добродушно-поучительное расположение духа у Березкина испарилось, как хорошие покрышки ночью в неблагополучном квартале.

А поскольку служба у него была суточная и требовала неустанного и неуемного его внимания, домой под утро Березкин возвращался в экспансивно-эпилептическом настрое, а последние три дня к такому настрою прибавился еще и нежно-синий отлив лица.

В его облагороженном клумбами и скамейками узеньком дворе, прямо напротив, проживала некая Алефтина Борисовна Шпак – стало быть, соседушка Березкина.

Алефтина Борисовна на первый взгляд имела внешность тем только и примечательную, что было у нее, как и у всех – пара рук да пара ног, что болтались в сапогах с широким голенищем как карандаши в стакане.

На голове Алефтина Борисовна имела удовольствие носить пышную кудрявую шевелюру, для создания которой каждое утро ей приходилось вставать в шесть нуль-нуль и варить в трехлитровой кастрюльке бигуди. Накрутившись на вареные бигуди (которые она со знанием дела варила всегда Al dente), и переодев шикарный леопардовый халат на строгий костюм цвета дохлой лягушки, госпожа Шпак из домохозяйки становилась похожа на настоящего завуча. Им-то она и приходилась сотням ребятишек и трем десяткам учителей в средней школе номер сорок пять в их маленьком городке.

К заискиваниям и колбасно-конфетным взяткам своих учеников Алефтина Борисовна имела отношение привычное и крайне положительное. Такого уж она была нраву, что, когда в школе ей делали всяческие подношения, она ощущала себя очень удобно и даже по-царски.

Что до отношений соседских, никогда у нее с товарищами по двору далее почтительных раскланиваний дело не заходило. Характер же их мимолетных встреч с Лаврентием Палычем был всегда равнодушно-лицемерненький.

В то утро у Алефтины Борисовны настроение было гадское. Во-первых, нешуточно разболелся живот, да к тому же на дворе стояла такая жаркая весна, что к этому добавилось еще и давление, будь оно неладно. И как бы ни хотелось мадам Шпак сегодня остаться дома по причине женского недомогания и чрезмерной раздражительности, не идти в школу ей было нельзя – сегодняшним днем был поставлен диктант у 7 “Б” класса.

И уж совсем недовольной госпожу завуча делало то, что она умудрилась пролить свой вечерний кисель на тетрадку с домашним заданием некоего ученика Скворцова! Никогда такого с ней прежде не бывало, и вот опять! Но немного смягчало в ее собственных глазах ситуацию то, что в домашнем задании у Скворцова была написана полная ахинея. “Может, сказать, что не сдавал?” – Алефтина Борисовна пребывала вся в раздумьях, спускаясь с крыльца.

В этот самый момент Лаврентий Палыч, погруженный в свои мысли относительно скорейшего очищения организма, сунув руки в карманы и пиная сосновую шишку, прогуливался по двору.

И как-то так неловко вышло, что оба наскочили друг на друга – до того неуклюже, что Лаврентий Палыч даже выругался. Негромко, но довольно нелицеприятно.

– А-а, это вы! – прорычал Березкин. Узнав соседушку, вопреки учтивой манере здороваться, Лаврентий Палыч еще больше рассердился.

– Идет и не смотрит! Черт знает, что такое!

– Как не стыдно! Да отойдите же вы, в конце концов! – возмутилась Алефтина Борисовна, отталкивая локтями соседа, чтобы пройти дальше.

– Вы бы под ноги глядели, что ли! – негодующе крикнула она Березкину.

– Вы сами-то не больно и глядите! – парировал Лаврентий Палыч, раздраженно пиная шишку.

"Какой пренеприятный, противный человек этот Лаврентий Палыч! Что за возмутительная нерасторопность!" – думала госпожа Шпак всю дорогу до школы.

"Что за отвратительная, вздорная тетка эта Алефтина Борисовна!" – размышлял Лаврентий Палыч, наворачивая третий круг по двору и пиная все ту же злосчастную шишку. Он где-то вычитал, что прогулки на свежем воздухе помогают от его временной неприятности.

В тот день седьмому "Б" очень не поздоровилось.

Прошло три дня. Сегодня в школе было чаепитие у младших классов и Алефтине Борисовне надарили кучу цветов. Седьмой "Б" на всякий случай подарил пионы. А папа Скворцова даже сделал комплимент:

– Алефтина Борисовна, вы сегодня просто неотразимы! – на что та махнула рукой, зарделась, и весь последующий день от нее будто исходило странное радостное сияние. И к седьмому "Б" она в кои-то веки обратилась "Ребята", вместо привычного, отталкивающе исторгаемого "Седьмой бээээ!". За что в тот день мадам Шпак даже получила от детей приятное прозвище «Алефтина Барбарисовна».

Со школы она шагала довольная, румяная, с подарками и цветами. Во дворе было собрание, и впервые мадам Шпак остановилась, чтобы вместе с соседями решить, в какой все-таки цвет красить скамейки и клумбы. Дело было важное, тем более что женщина с таксой со второго этажа предлагала выкрасить в голубой, а Алефтине Борисовне нравился зеленый.

– Граждане, граждане! Я предлагаю проголосовать! Давайте напишем цвета на листочках, посмотрим, каких больше, и так выясним, в какой красить! – громко предложила гражданка Барбарисовна, и все соседи одобрительно запричитали. Кто-то тут же достал листочки.

Лаврентий Палыч как раз в этот момент подходил к дому – его безрадостная, нестерпимая ноша счастливейшим образом покинула организм этим самым утром благодаря вареной свекле с яблоком. А потому расположение духа у Березкина было самое что ни на есть великолепное, удобнейшее было расположение! Хотелось петь и плясать.

Увидев, как Алефтина Борисовна на совете жильцов предлагает красить клумбы в зеленый, он невольно залюбовался и заслушался, к тому же зеленый был его любимый цвет.

"Какая славная женщина! Личность!" – подумал о госпоже Шпак Березкин и тут же подхватил коляску у молодой мамашки, помогая затащить на крыльцо.

– Благодарим, Лаврентий Палыч! – кивнула мамашка.

Алефтина Барбарисовна в этот самый миг увидела помогающего мамашке Березкина, на радостях помахала ему рукой и улыбнулась. В голове у нее пронеслось: "Какой замечательный человек! Человечище!"

Пильма

Одним душноватым летним вечером мужчина в сером деловом костюме с портфелем в руках зашел в бар по улице Рубинштейна, дом семь. В баре, несмотря на довольно поздний час, не было никого. Он сел у барной стойки, подальше от огромных окон, скользнул по бармену равнодушно-недовольным взглядом и заказал себе выпивку. Бармен, освещенный красноватой лампой, кивнул ему, и продолжил протирать стакан белым вафельным полотенцем.

Тем временем к барной стойке подошла довольно странная компания. Это были цыганские дети – мальчик с девочкой, и с ними был еще старый карлик.

Стены пестрели яркими картинками, на потолке тут и там светились люстры, мигали светильники и лампы.

Мальчишке было лет восемь, босые ноги его с грязными лунками ногтей переминались на холодном кафельном полу. Он растерянно озирался. Видно было, что здесь для него все дико и непривычно. Карлик одернул мальчика, и тот мигом встал возле мужчины в костюме, немалым образом того раздражив.

Девочку звали Пильма – так окликал ее карлик, умудряясь произносить имя с ударением на оба слога – возмущенно, требовательно.

Девочка была юркая, с тонкими худыми руками и пронзительными черными глазами, которые, если заглянуть в них, тут же превращались в черные дыры. Лицо ее было чумазым и загорелым – как, в принципе, у любого цыганского ребенка. Она была постарше мальчика, и смотрела чуть надменно.

На маленькой ее головке гнездились и вились множественные распушившиеся косички – кончики их были настолько спутаны, что превратились в дреды. В этом гнезде из волос кое-где видны были дохлые насекомые.

Девочка тоже встала рядом с мужчиной в костюме и взгляд ее в одно мгновение из надменного превратился в просящий. Мужчина насторожился – он переводил взгляд с мальчика на девочку, и, наконец, посмотрел на карлика.

Карлик был из того рода людей, которые обыкновенно бывают нам тем нескрываемо неприятны, что пытаются своими едкими фразами и глумливыми гримасами кольнуть и зацепить самые сокровенные области сердца.

Обидев собеседника раз, нередко они получают от него второй шанс (если, разумеется, перед ними человек почтительный и негрубый). Одним своим осмотрительно-заискивающим видом они стирают только что нарисовавшееся дурное впечатление о себе, и вот уже вы готовы говорить с ним вновь, но – момент – и снова вам в лицо летит насмешка или низкосортная сатира. Сказав какую-то гадость, выступив, они тут же ныряют обратно в себя, оценивая произведенное впечатление. И, не получив должного отпора, продолжают свой тошнотворный натиск.

Про таких говорят в России «рожа кирпича просит». Поведение таких особ может показаться забавным людям крайне невоспитанным или навеселе; или же людям в край избалованным и пресытившимся, имеющим большую власть. Карлик был бы великолепным шутом, которого бы очень скоро казнили за неугодную шутку.

Маленький человек с комплексом Наполеона – он стал бы перебивать вас, едва узрев обличительную правду в ваших словах. Он ни за что не дал бы вам договорить, а вы бы слушали его с той только мыслью, что это существо выглядит забавно и не сделает вам ровным счетом ничего плохого. Так путешественники играются с обезьянами – кормят их бананами, потешаются над проделками, хохочут и тычут пальцами – а те тем временем тащат с них золо-

тые цепки, часы и ожерелья, и уже с высоты деревьев скалят зубы на предсказуемую человеческую желторотость.

Столкнувшись с подобным элементом, человек воспитанный и порядочный изо всех сил будет стараться вести себя, как и подобает таковому, пока вконец не огорчится.

Наш же герой был не из таких. Едва только компания цыган и карлика очутилась возле него, он развернулся на барном стуле, задев локтем стакан с виски (ледышки негодующе колыхнулись, стукнулись), и вскричал:

– Денег нет, идите отсюда! – бармен даже не обернулся на голос – все время он беседовал с хорошенькой официанткой. К тому же музыка в баре играла довольно громко, потому все происшествие оставалось незамеченным для его работников.

Ни дети, ни карлик не обратили внимания на эту фразу. Карлик подступил поближе:

– А деньги нам и не нужны… – противно произнес он дребезжащим голосом.

– Чего вам тогда! Подите прочь! Нет у меня ничего, это, кстати, и хорошо. А то обокрали бы меня, пока я тут с вами беседую. – Мужчина отхлебнул своего напитка, довольно посмеиваясь. У него и вправду не было с собой ничего – все сбережения и ценности предусмотрительно хранились в банке.

– А мы тебя уже обокрали… – грустно сказала Пильма и посмотрела жалобным взором на мужчину. Ему показалось, будто ее спутанные косички чуть приподнялись, словно змейки на голове молоденькой медузы Горгоны.

– Как! – он испуганно захлопал по карманам, проверил часы – все было на месте. Странная компания развернулась и пошла к выходу.

– Нет уж, подождите! – мужчина вскочил и преградил им дорогу. – Что вы там украли, а ну ка! – он попытался тряхнуть мальчика, как самого уязвимого из этой чудно́й команды, но тут что-то больно ужалило его в руку – примерно туда, куда всем нам делали прививки от кори в детском саду.

Карлик, будучи ростом от силы метр, скрючил омерзительную гримасу, схватил встрепанного мальчишку и вывалился из бара.

Пильма же, посмотрев на мужчину уже не жалобно, но надменно, проследовала к выходу так гордо, словно это не в ее волосах сдохло несколько запутавшихся мух; будто не на ее щеках чернели разводы от грязи и сажи.

И – мужчина готов был поклясться – кончики ее черных косичек, только что смотревшие в его сторону агрессивными стрелами, вдруг разом улеглись и безвольно заболтались по ее плечам.

– Черт знает что такое! – пробормотал служащий в сером деловом костюме, и, подхватив свой портфель с бумагами, вышел прочь.

По улице он шел в растерянности, в глазах плыл туман, а дорога под ногами будто ходила ходуном – он путался и шатался, хотя вовсе не был пьян.

Уже проходя в арке, что ведет ко входу в метро, он вдруг ощутил необычное чувство – тревога, смешанная с опустошением. Внезапно его охватила паника – грудь сдавило, легкие сжались, сердце бешено застучало – портфель выпал у него из рук. Что-то происходило, что-то страшное, но что, где? Он испуганно мотал головой по сторонам, будто ища причину своего ужасного испуга. Ему показалось, что мимо арки прошли три знакомых силуэта, что снова увидел он глаза, что переливались насмешливо-просяще; он даже бросился вперед, но это были какие-то другие дети.

Кое-как придя в себя, мужчина зашел в метро. Даже не помнил, как спустился вниз. С ним творилось нечто неясное.

Платформу он отмерил шагами до самого конца, до стены, в маленькую дверь которой входили и выходили люди в голубой форме. В огромное зеркало для машинистов увидел он

страшного, но жалкого мужчину, смотрящего стеклянными глазами прямо на него. Это и был он сам.

Он уже не мог распознать своих эмоций – совершенно безжизненный, прошел он в полупустой вагон. Взглянул на кого-то, кто ехал напротив – серый, неприметный человечек неопределенного возраста – в какой-то момент они встретились глазами. Глаза у человека напротив были точь-в-точь такие же – пустые и стеклянные.

Мужчина с портфелем резко повернулся вправо – рядом с ним сидела женщина в пятнистом сарафане, она без эмоций взглянула в ответ. В этом водянистом, пропащем взгляде мелькнула знакомая насмешка – та самая, с которой на него смотрела девочка по имени Пильма.

Женщина спокойно отвернулась и продолжила смотреть перед собой.

И тогда леденящий душу ужас, его последняя живая эмоция, объял его –мужчина понял, что украли у него цыгане.

Они украли у него душу.

Голубятня

“Они никогда меня не примут! Никогда, никогда, никогда!” – Аленка бежала вдоль школьной спортплощадки, сердито подтягивая к себе пакет со сменкой, который то и дело съезжал с плеча. Она училась в седьмом классе восемьдесят второго лицея, что по улице Мира. Добежав до Пинского переулка, что сжат с обеих сторон кирпичными постройками, она в два прыжка перепорхнула трамвайные пути и устремилась к набережной, к Неве.

“Ненавижу, ненавижу, ненавижу! Татуху пойду сделаю, у Ритки брат делает, и я себе “ненависть” влеплю прям на лбу, будут знать!”

Скажем вам по секрету, ненавидеть это доброе существо даже не умело–оно, наоборот, горячо любило. А любая агрессия, как известно, это просьба и мольба о любви.

Придя на их с Риткой секретное место, что у фотосалона на Петроградской набережной, Аленка подошла к ограждению и долго смотрела на воду. Веселые волны рябили и скакали по поверхности, как бы успокаивая ее: “Не плачь, Аленка, не плачь! Смотри, какие мы веселые, какие радостные!

“Скачут и скачут, чтоб их! – подумала Аленка про волны и плюнула в реку. Смотрела, как ее белоснежный харчок коснулся воды и медленно растворялся.

“Какой же этот Артем глупый… Как можно быть таким глупым вообще? И вся его эта компашка... Не гулять мне с ними никогда.” Девочка обреченно поглядела налево, на облака. Майское небо потемнело и нахмурилось.

Аленка долго смотрела на воду, держа руками щеки и уперевшись локтями в ограду. Краем глаза она заметила, как с ней поравнялась седая женщина с хрюкающим мопсом, деловито выхаживающим на своих коротких лапках. Аленка была знакома с женщиной – та жила в двух домах от нее. Имени ее девочка не знала, а вот что мопса зовут Кирюша она знала наверняка, но особой симпатии к нему не испытывала, в отличие от всех остальных собак.

Хотя нет, еще она терпеть не могла пуделей за их глупость и несуразность. Ее отец всегда говорил: “Вот как ты, Лёлька, не любишь пуделей, так я не люблю Рено. Автомобили Рено – пудель среди машин!”

“Кирюша, все, погуляли, домой идем, дождь будет. После дождя еще пойдем. А в два часа у нас сериал начинается. Смотри, какое небо! И-и! Да, точно сейчас ливанет!” – обращалась женщина то небу, то к собаке. Кирюша с потешной ленцой поднял голову на хозяйку и, уморительно вывалив язык, посмотрел на нее с видом: “Бестолковая, это ты мнé рассказываешь? Я вообще-то тоже не слепой!”

И засеменил дальше, виляя задком из стороны в сторону – тюк-тюк, тюк-тюк-тюк...

– Здравствуйте! – поздоровалась с женщиной Аленка, потому что, безусловно, ненависть ненавистью, а воспитание никуда ты не спрячешь, как и невоспитанность.

– Здравствуй! Беги скорее домой, сейчас гроза будет!

-Да, я как раз уже шла! – ненавязчиво соврала Аленка, очень быстро и очень ненатурально улыбнулась женщине и мопсу, и отвернулась к реке.

Вообще-то она собиралась остаться тут, как следует промокнуть под дождем и умереть от пневмонии назло всем одноклассникам и этому глупому Артему, но женщину с мопсом совершенно незачем было в это посвящать.

Грянули первые звуки грома. Кругом все будто задвигалось быстрее. Закачались усиленнее тяжелые кроны деревьев, прохожие зашевелились прытче и проворней; даже вода в Неве, казалось, задвигалась живее, будто закипая. Ветром повеяло с такой силой, что Аленка пошатнулась – словно огромный великан изо всех сил выдул воздух из своих могучих легких, пытаясь зажечь потухший огонь в бесстрастных сердцах жителей города – сонных, апатичных, квелых.

“Пойду ка я, пожалуй что, на голубятню. Там дядь Федя, но у него настроение тоже не угадаешь – сегодня пустит, завтра нет. Но если что, ход есть.”

И она потрусила – снова по Пинскому, потом по Большой Посадской. В будке сидел не дядь Федя, а какой-то другой охранник. Тогда Аленка вернулась к забору, раздвинула высокие кусты шиповника и увидела прямо под основанием забора знакомое отверстие, небрежно прикрытое четырьмя кирпичами. Попав на территорию голубятни, Аленка обратно закидала проход кирпичами.

Об этом проходе знала только она, Ритка и Колян. Но Колян переехал с родителями на Гражданку, так что, выходит, только они с Риткой и знали. Ну еще может, дядь Федя знал.

Снова грянул гром – уже так протяжно, раскатисто. Окрестности – дома, постройки – все словно осунулось и пригнулось, как провинившиеся ученики перед гневом учителя. Аленка подкралась к самим “птичьим домикам”, как называл их дядь Федя.

Здесь, в густых зеленых зарослях, стоял огромный старый сундук для хранения зерна – на его трухлявой крышке она впервые призналась Ритке, что любит Артема. Ритка только охала, помнится, да приговаривала: “Ты, Аленка, даже думать забудь, не того ты полета птичка, чтоб с такими якшаться!”

Сейчас Аленка, хмуря брови, смотрела вперед. Из-за слёз весь вид чисто прибранного птичьего дворика плыл в глазах.

Птички в голубятне перелетали со своих насестов и так уютно ворковали, что в какой-то момент Аленка заклевала носом. Оглядевшись, не идет ли где охранник, она подложила под голову пакет со сменкой и устроилась на сундуке. Начинал накрапывать дождик. Над сундуком кусты и деревья сплетались так тесно, что даже сильный ливень здесь был не страшен. Аленка лежала на сундуке и рассматривала зеленые листочки, что вились и касались друг дружки.

«Я не пойду домой, останусь тут жить, на голубятне! Приручу всех птиц и буду показывать с ними фокусы. Сюда будут съезжаться журналисты и снимать обо мне сюжеты! А Артем увидит меня по телику и влюбится. И конечно же придет, а дядь Федя его не пустит. Тогда Артем найдет ход в заборе, пролезет, а я натравлю на него птиц! Как в том черно-белом фильме, что показывал папа! Ой, нет, мой Артемчик, я никогда так не сделаю!»

Наплакавшись о своей горькой судьбе, под шепот листьев и шелест птичьих крыльев в голубятне, Аленка задремала. Даже ливень, грянувший из почерневшей пухлой тучи, зависшей над Петроградкой, ее не потревожил.

Девочка спала так крепко и так сладко, как может спать только невинное дитя, чьи мысли обращены к свету, а чувства еще так безвинны, так целомудренны.

Пакет со школьными туфлями под головой служил ей мягкой подушкой, а старый, дореволюционных времен, сундук – пуховой периной. Прядь волос, выбившаяся из прически-колоска, заплетенного с утра и растрепавшегося теперь, трогательно спадала на лоб.

Ливень шумел сильнее и сильнее, все притихло и замерло в испуге и благоговении перед дивным шумом дождя. Казалось, будто вокруг все погружается в воду, и вот-вот поплывет. Поплывет как белый корабль голубятня, качаясь на волнах, а голубки в ней, ничего не понимая, также будут перелетать с насестов и клевать зерно; поплывет будка с дремлющим охранником, что разгадывал кроссворд и уснул на слове «Панагия»; поплывет забор с кустами шиповника, и сундук со спящей на нем Аленкой. И будет лить дождь несколько дней и затопит все вокруг, и будут волны колыхаться и зыбиться, а сундучок будет аккуратно покачиваться, а ребенок на нем – спать и видеть свои чистые, еще детские сны.

Внезапно, у самого лица спящей девочки, на ветку села маленькая птичка. Она встрепенулась от дождя и брызги оросили Аленкину мордашку. Девочка мигом пробудилась. Она увидела лишь хвостик – птичка прыгнула на ветку повыше, в самые заросли. Аленка приглядделась, думая, что ей померещилось. Она вскочила на сундук, чтоб поближе разглядеть пернатую шалунью.

Оперение у птички было кофейного цвета, перья карие, как глаза у Аленки, шейка тоже бурая, мухортовая. А вот головка…

Вместо птичьей головки с клювом у птички было… Человеческое лицо! Крошечное, белое личико, с румяными щеками и алыми губками!

Аленка не верила своим глазам! На нее смотрело ее собственное лицо, только уменьшенное в несколько раз!

Птичка сидела на ветке, цепко держась за нее когтями и чудно´ наклоняла по сторонам свою человеческую головку. Мгновенный испуг у Аленки сменился оцепенением, а оно – любопытством. "Птичка с человеческим лицом, с моим лицом! Это, выходит, она здесь не одна такая, и есть же еще где-то, не на этой же голубятне они живут! "

Тут птичка посмотрела своими желтыми глазками прямо на девочку и засмеялась. Не чирикнула, не завела свою заливистую птичью трель, а именно засмеялась – чисто, звонко, серебристо. Аленка резко отшатнулась, оступилась на сундуке, и упала на землю без чувств.

Ничего не помнит она – ни как ее нашел сторож, ни как отвез домой дядь Федя, ни как мама укладывала ее в постель, приложив компресс к огромной шишке, что вскочила на затылке.

Под конец года писали в школе сочинение по литературе, на вольную тему, и Аленка написала про птичку. Учительница поставила отличную отметку, а папе на собрании посоветовала «не показывать Хичкока, а начать с Гайдая». А в последний учебный день, когда Аленка шла домой со школы, в своих мыслях, кто-то окликнул ее по имени. Она обернулась и замерла, не дыша. Это был Артем.

Даже если бы на нее налетело сто птиц, как в том самом фильме, и все с человеческими головами, она бы все равно испугалась не так, как сейчас.

– Привет, ты Алена? – спросил, улыбаясь, он.

– Я? – переспросила Аленка. Она была, честно говоря, не очень уверена в том, что она, это она. Да и в том, что он, это он – тоже. «Скорее всего, я сплю.» – решила девочка.

– Я? «Н-нет», —на всякий случай сказала она. Артем рассмеялся.

– А ты с юмором! Это ты про птицу написала? Нам училка рассказывала.

Аленка не могла поверить, что они находятся рядом больше секунды. Уже, наверное, минуту! Вдвоем! Без его дружков!

Минуту! Целую вечность!

– Расскажешь?

– Мне домой надо! – Аленка пошла быстрым шагом, решив, что Артем шутит над ней. Такого бы ее детское сердце не выдержало. Он шутит, а ей предстояло еще целое лето его любить.

– А я тебя провожу! – настойчиво сказал парень и они пошли молча.

– Ну так что, расскажешь?

– А зачем рассказывать! Я показать могу! – осмелела девочка. – Старую голубятню знаешь?

– Знаю! –произнес Артем и глаза его сверкнули восторгом.

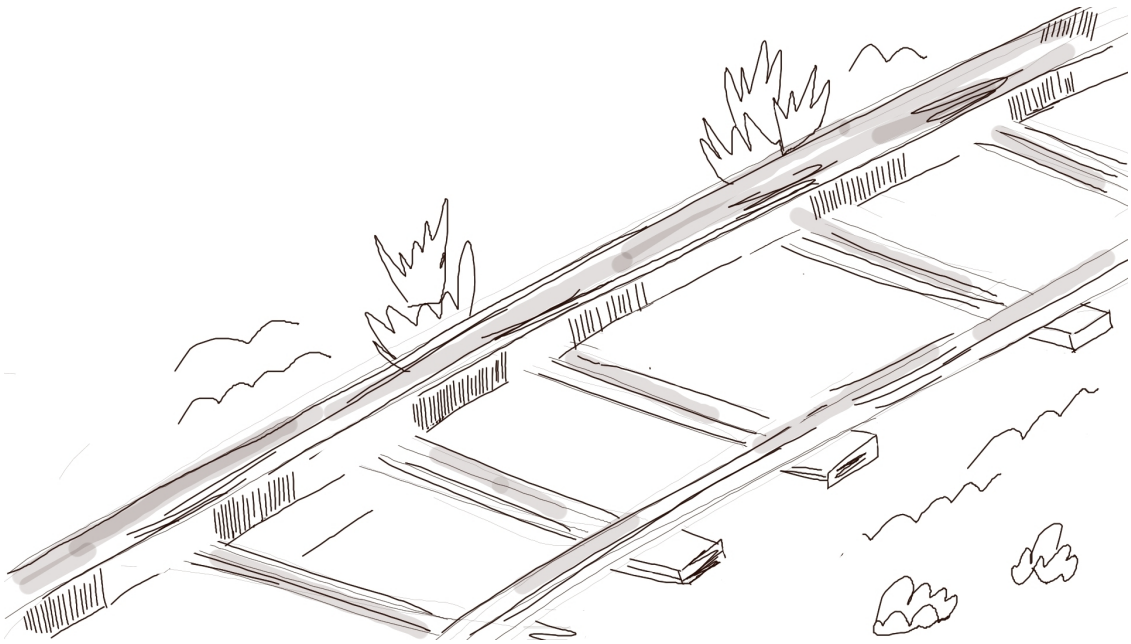
– А охрану не боишься? – спросила Аленка. Тот в ответ только рукой махнул.

– Но там всегда закрыто... – продолжала девочка. Парень хитро засмеялся и открыл портфель. Там лежал болторез.

Они шли по Пинскому переулку, а над ними, высоко в небе, в свой колдовской хоровод собирались майские грозовые тучи. Как и всегда перед грозой, над землею низко летали птицы, словно предупреждая человека о грядущей непогоде.

Птицы летали над землей, сидели стайками на проводах, порхали с деревьев, щебеча о своих птичьих делах, прорезали облака вниз и вверх, словно пули.

Неожиданно, наверху, среди густого, звонкого щебета едва уловимо послышался серебристый тонкий смех...

Призраки железной дороги

Это случилось в начале прошлого века, на самой окраине нынешней России, близ последнего города Империи.

Романов-на-Мурмане он носил название, а ныне Мурманском его величают.

Славный город, Капитанов-град, город-порт, с рыбой на гербе, ибо рыбы в водоемах местных и морях меряно-немеряно.

Когда происшествие наше случилось, добраться до Мурмана было делом непростым – от Петербурга больше тысячи верст. И на поезде-то больше суток пути, а уж на конях да в телегах и того дольше. Да еще и вьюга кружит, путь заметает! Страшно, не видно ни зги! Кони на дыбы, в степях волки воют…

А в то время другая часть Русского Севера, Архангельская Губерния, уж обзавелась своей железной дорогой и станциями. И новенькие паровозы, одышливо пыхтя и блистая лакированными боками, с дымком да веселым свистом тормозили у края платформ.

И было принято решение проложить железную дорогу к Романову-на-Мурмане, чтобы проще было рыбные да звериные богатства оттуда доставлять ко внутренней части Российской Империи.

“Цывылизация!” – охали сельские мужики и почтительно снимали шапки, когда первые паровозы стали ездить мимо темных русских селений и деревень.

Необъясним этот феномен и туманен – как в одно время и дворцы чудесные строили, и шкатулки с украшениями, невооруженному глазу недоступными, мастерили; и тогда ж неграмотные мужики с лучиной по избам сидели и в отхожее место рядом с дверью входной справлялись. Таинственно сие явление и непонятно.

Про этот случай совершенно точно сказывают, мол, летом дело было, в тот год, когда дорогу к Мурману пленные мусульмане строили.

Навезли их тогда в наш край, по баракам расселили, каторжников несчастных, да загнали рельсу прокладывать.

В поте лица трудились каторжники, голову к небу не поднимая – зная, за что наказал их Аллах, и перечить его уроку не смея. Зимы страшные на Кольском полуострове, чуть зазеваешься – замерзнешь насмерть. Но и к тому привыкли пленные да тюремные, ко всему-то зверь-человек привыкает.

И хоть зима всего страшнее на северах, все-таки лето северное с каторжанами смертельную шутку сыграло.

Есть у мусульман священный месяц Рамадан, во время которого они пост божественный соблюдают. И нельзя в тот свято чтимый пост пищу принимать, пока солнце не сядет, ибо Аллах за грехи человеческие нас воздержанием испытывает. Потому, под солнцем, то бишь, на глазах у него, у Аллаха, есть запрещено.

Иные мусульмане какие-то дни без воды проводят, чтоб очистить тело, разум и душу. И не только в этой вере сии каноны. У нас, у христиан, помимо православных постов, батюшка епитимью наложить может – наказание постом и молитвами. В индуистской вере экадаши есть, такой пост своеобразный, на одиннадцатый день после полнолуния и новолуния. Говорят, что если пост строгий в этот день соблюсти, ни водой, ни хлебом себя не дразнить, то все грехи твои Господь обратно заберет, и душа очистится, и разум просветлеет.

Но это только говорят, а как оно на самом деле у индуистов, детей Вишну, одному Господу Богу известно…

Так вот эти пленные мусульмане, почитая Рамадан удобным случаем возвыситься духовно и обрести милость Аллаха, ни при каких условиях и ни под каким предлогом пищу себе до ночи не позволяли.

А какая ж на севере у нас ночь-то, в мурманских широтах? Там ночью поболе чем днем солнце светит!

И как бы ни запрокидывали головы пленники да каторжники на горизонт, ожидая, что небесное светило скроется и даст им уже оттрапезничать хлебом да водой, ни в какую солнце не уходило!

Столько богов себе люди создали, и, главное, почитают до сей поры – неистово, пылко, крепко! И душу на служение кладут, и жертвы приносят, потому как бог без жертвы что женщина без даров – не вознаградит, не наполнится, не засияет.

И вот все не заходило солнце, стояло круглые сутки на небе – Аллах сердился, Христос головой качал, Вишну облегчал страдания каторжников, а Зевс – да-да, был там и он – Зевс во всю силу смеялся над глупыми пленными, не желающими принимать пищу под солнцем.

И сияющая ослепительная колесница древнегреческого бога Гелиоса остановилась на месте и замерла, и ее венценосный хозяин потешался и перемигивался с Зевсом. И не было у каторжан ни единого вероятия, что скроется Гелиос на своей небесной колеснице, потому как страшно жесток был этот бог, как и красив. Ибо все, что тебе красиво, то жестоко.

День не ели мусульмане, два не ели. Надсмотрщики уж обеспокоились – вчера крепкий пленный, сегодня еле-еле душа в теле лопату волочит, а другой и вовсе падает, как загнанная кобыла – в чем тут дело?

День на третий смекнули, что работники от пищи отказываются. Насильно пытались кормить – да где там! Ничего ты не заставишь человека сделать, если воля у него есть и пока он не хочет.

И вот прошла неделя – уж несколько работников отдали Аллаху душу, не дождавшись, пока скроется небесное светило и позволено будет пищу принять. Другие, побоявшись гнева Всевышнего, лежали без движения, не желая принять яства, подносимые им, потому как это значило принять в себя грех.

Уж и батюшку к ним вызвали, но не смог он вразумить несчастных, и померли они от голода вслед за собратьями. А один каторжник даже поднялся на локтях из последних сил, и харкнул попу прямо в область лица! И выругался еще на своем, ненашенском, что, мол, не уважает поп Аллаха и другой вере служит.

Да-а, намучились работники тогда в то лето, но дорогу все же проложили, да еще какую!

Добротную, крепкую, до сих пор стоит!

Только сказывают, что с тех самых пор, когда едешь ночью по этой железной дороге на Мурман или в Петербург, слышны из-под рельс стоны – жалобные, протяжные.

Днем-то уж весь вагон шумит, вряд ли услышишь, а ночью призраки как разойдутся, как давай скулить да дребезжать!

Так воют печально эти самые каторжники, духи их неупокоенные, воют над судьбой своей несчастной, да проклинают мурманское лето.

Случай в Таврическом Саду

Теплым весенним вечером где-то в середине мая, одна хорошенькая барышня не спеша прогуливалась по Таврическому саду. Вокруг нее все было зеленым и синим. Зелень только расходилась, повсюду распускались листки и кое-где на кленах, дубках и липах еще раскрывались почки. Сосны, ели, лиственницы пушились и норовили достать до барышни яркими мохнатыми лапками.

– Потрогай нас, погладь нас, взгляни на нас! – вокруг все шебуршало и шелестело.

А над этим темнеющим зеленым покровом небо принималось ускоренно синеть, будто кто-то добавил синей акварели на пропитанный водой кусок мокрой голубой ткани, удивительно гладкой и тонкой. Вслед за вечером ночь плавно опускалась уже небу на плечи.

Какой волшебный, упоительно прекрасный час! Всегда в такое мгновение вокруг все застывает – происходящее настолько красиво, что природа заставляет замереть каждое живое создание, и будто сама становится картиной. И мнится, что всегда так было, и всегда так будет, что бы ни случилось. Всегда найдет природа минуту на волшебство.

Прохожие тотчас становятся рисованными силуэтами, небо – пейзажем, деревья и кусты – бездыханным натюрмортом.

Но вот происходит нечто, волшебство испаряется, как ему и подобает, и снова все встает на свои места. Все, что замерло, отмирает и начинает двигаться дальше – лететь, шелестеть, шуршать, искриться, рябить, отбрасывать тень…

Обыватель не заметит ничего и поспешит дальше к своим суетным делам, а особенный, встретившись с чарами, подивится уж не в первый раз, и на лице его осядет загадочная улыбка и весь день он потом будет ходить улыбчивый и задумчивый, потому что рад, стало быть, что с ним разговаривает нечто огромное и великое, вечное и могучее. А что – никто не знает, что оно, и имени никто не назовет, зато присутствие его всем знакомо, каждой твари живущей.

Человек, необыкновенное замечающий в повседневном, сильнее других. И глаза у такого человека всегда иные, – цепкие, ясные. Не все могут такому в глаза смотреть – ой, не все! Жгут тебя глаза эти, спрашивают – да все о том, что сам боишься у себя спросить.

Это как в темный лес попасть одному – человеку со светлой душой любой мрак не страшен, он перед собой чист, по сердцу жил, одной совестью да любовью ведомый.

А иной дрожит весь, как заяц, потому что в нем такая же темнотища, как в лесу том. Обманывал он, над слабыми развлекался, перед сильными пресмыкался, к наживе спешил – дух святой утратил. И он все скорее к выходу продирается, ничего не видя, от страха себя не помня, а ветки да кусты из темноты цепляют, царапают, да по щекам хлещут – словно руки из тьмы отовсюду к нему тянутся. И внутри у него такое ж, и он, несчастный, знает, что если остановится, то те, что внутри него с теми, что снаружи схватятся, и от него самого ни клочка ни останется. Скорее, скорее спешит.

А человек благородный неторопливо ступает – в нем душа ликует и так сияет, что тьма расступается. А если песню затянет, вовсе ничего не страшно. Мысль чистая священна, и всякую тьму нарушить способна.

Черный ворон, сложив крылья за спиной, как руки, задумчиво прохаживался вдоль пруда. Словно старый дед, одетый в черное пальто с серым шарфом, он вышагивал стройно и аккуратно, как бы подчеркивая свою собственную строгость и укоряя расхлябанность и разнузданность настоящей эпохи. Как грозно вышагивал он! Если бы не трава, покрывавшая холодную землю в парке, казалось, мы бы услышали его сердитый топот!

А барышня все шла и шла. Ее не интересовали ни прохожие, что с интересом поглядывали на нее, ни прекрасные лебеди, что, склонив головы, плавно и торжественно рассекали темную гладь озера, захваченного камышами.

“Как же я далека от всего, от всех! ”- думала она, проходя под кронами деревьев, сплетенных в коридор.

“У меня нет ничего, что способно привлечь и увлечь! Во мне совершенно нет стремлений и усердия, да и откуда бы им взяться, если, сделав хоть что-то мало-мальски дельное, я потом любуюсь на это целый месяц, а то и больше! Как же я бесполезна, зачем же я живу и для чего? Для чего грущу, проходя по этим красивейшим, нарядно освещенным улицам, заглядываясь в витрины на вещи, что никогда себе не позволю? Зачем это все придумано и кем, чтоб все так стремились сделать эти вещи своими, а ведь без них солнце также светит и день наступает такой же ясный и ты ничуть без них не хуже…

Зачем же мы все так хотим покупать новое, когда старое еще не износилось, и зачем женщинам прощают этот милый грех к обновкам, когда на самом деле это страшнейшая напасть и она однажды всех погубит?

Зачем же я вечно влюбляюсь в тех, кто мной лишь забавляется? Зачем разбиваю сердце тому, кто мечтает мной утешиться? В чем мое предназначение и зачем без профессии мы никому не нужны? Мужчины нынче так насытились красотой, что им теперь подавай успешную женщину, ах, зачем, зачем же я не такая!..”

Так думало это прелестное создание, идя по дорожке вдоль пруда. И тут наконец она заметила скамеечку невдалеке, на которой никого не было. И вокруг тоже не было никого, потому что все уже нагулялись как полагается и поспешили к своим драгоценным кроватушкам и диванцам.

В каждой квартире любого дома на теплой ленинградской кухне уже синеватые язычки газа весело плясали вокруг чайникового днища, облизывая его со всех сторон; а чайник с притворным возмущением кипятился.

У всех в это время чайники пыхтели и накалялись, ведь, безо всяких сомнений, в Ленинграде это предмет известный – после прогулки самое оно чайку попить покрепче, да послаще!

Привалившись на скамейке. барышня взглянула на плохо уже различимую воду в пруду, на скрещенные лапы елей и продолжила свой внутренний монолог.

“Мне сейчас бы идею, ну хоть какую-нибудь идею, и сколько бы тогда стало вокруг меня людей! И все бы спрашивали меня что-то, что-то мне подносили на одобрение, и мы бы вместе все выдумывали, и всем было бы весело и дружно, и всем была бы прибыль! А я сижу тут в этом парке, никому не нужная, и друзей у меня нет, и подлюженьки мои не любят меня, и за душой ни гроша!”

И так горько расплакалась наша барышня, что ее уже было не остановить.

– Девушка, что вы плачете? – раздалось откуда-то сбоку. Это оказался красивый молодой человек с такими пронзительными глазами, что, если бы барышня сейчас так не ревела, она бы непременно этим глазам бы построила свои.

– Ах, ничего! Оставьте меня!

– Ну вот уж нет! – молодой человек подсел к ней поближе. Казалось, он был даже доволен, что девушка плачет, потому что тут же расправил свои широкие плечи и заботливо на нашу барышню посмотрел. Она, взглянув на него, расплакалась еще больше, прильнув незаметно к нему на грудь. Он приобнял ее и больше уже ничего не говорил. Но на груди у молодого джентльмена плакать и рыдать было в высшей степени неудобно, к тому же мировая скорбь и утрата веры во все сущее в сердце девушки как-то поубавились, и оно стало спешно заполняться каким-то другим чувством, сладостным и приятным.

Барышня предусмотрительно отстранилась и на груди у молодого человека осталось большое мокрое пятно.

– Спасибо, я пойду! – она встала, но молодой джентльмен тут же ее остановил.

– Куда это вы пойдете, я вас не отпущу!

“Кто б тебя спросил!” – пронеслось в голове у девушки, но она тактично и благовоспитанно промолчала. Она начала уходить, как молодой человек поспешил за ней.

– Девушка! Могу ли я просить ваш номерок?

– Зачем вам?

– В каком это смысле - зачем? Я хочу с вами прогуляться!

Ей такое его намерение показалось не слишком серьезным и даже слегка обидело ее.

– Нет, я замужем! – соврала она и поспешила прочь.

– Нет, вы не замужем! – тут же догадался парень, но остался стоять, растерянно смотря ей вслед. Девушка быстрым шагом пошла в самую чащу, куда свет от только что включенных фонарей почти не проникал. Она шла уже несколько минут, как снова вдруг услыхала знакомый голос:

– Девушка, постойте! – запыхавшись, к ней подбежал этот же молодой джентльмен и слегка сжал ее руку выше локтя. – Постойте!

– Нет, это уже просто нахальство какое-то! Я сейчас же закричу! – парень тут же отступил. Девушка, развернувшись, пошла дальше. Но спустя минуту парень возвратился снова.

– Ну у вас же нет никакого мужа! Неужели я вам совсем не нравлюсь! – девушке он очень даже нравился, но ее врожденная неприступность и скованность от испытываемой симпатии просто не позволили бы ей в том признаться.

– Нет! – глупо соврала наша барышня.

– Тогда хотя бы один поцелуй, вы так красивы! – взмолился парень.

– Это просто ужасно! Что вы позволяете! – вскричала барышня и стремительно убежала вперед, под фонари.

– Но что же в том такого? Что ужасного? – не понял бедный влюбленный, да так и остался стоять в темноте Таврической рощи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.